

ТЫ.ОНА.Я.

ТЕПЕРЬ МЫ(НЕ)СЕМЬЯ

АЛЕНА МОСКОВСКАЯ

Алена Московская

Ты. Она. Я. Теперь мы (не) семья

«Литнет»

2024

Московская А.

Ты. Она. Я. Теперь мы (не) семья / А. Московская — «Литнет», 2024

НОВИНКА: «От измены до верности» — И как давно у тебя появилась любовница? — едва слышно спросила я, осматривая мужа с ног до головы. — Это не любовница, это моя девушка, — сухо отчеканил он. — У тебя жена есть, семья, ребенок, Мить, наш сын, — я хотела договорить, но он меня перебил. — Семья и любовь — это разные вещи. Мой муж решил, что иметь жену и любовницу — обычное дело. Свободные отношения предложил. Это же так современно! А я что? Я только неделю, как из декрета вышла, сына в садик отдала. Стою, смотрю на нашего мальчика, он так сладко спит, а я к груди прижимаю паспорт. Сумка с вещами тяжестью в плечо отдает. Бежать? Остаться? Смириться? Что мне делать? ХЭ Не забывайте добавлять книгу в библиотеку и ставить лайки♥#

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	10
Глава 4	13
Глава 5	17
Глава 6	20
Глава 7	22
Глава 8	24
Глава 9	26
Глава 10	28
Глава 11	30
Глава 12	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Глава 1

Анна

Многие женщины даже не подозревают об измене.

Мой же муж, из великой любви и уважения, решил меня поставить в известность.

Жестко. Точно. Метко.

Самой острой стрелой в мое сердце запустил. Растоптал мою любовь, мою веру в семью и ценности, которые так навязывала мне мама с детства.

А я теперь не верю, мама, что все может быть гладко, что есть эти высокие чувства, которые все проблемы преодолевают.

Как верить, когда я видела его? С ней...

С другой женщиной, мамочка, которую он целовал и к себе прижимал, как самое ценное в его жизни. По волосам ее гладил, нежно касался, с друзьями знакомил.

Как верить-то? Никак.

Грустно. Больно. Страшно. Смятение.

Полный разбор себя и почему я... как там говорят? Ему надоела.

Мда.

Стоит сделать паузу, выдохнуть и рассказать вам.

Две недели назад был морозный вечер.

И не только потому, что на улице был минус.

Просто одно горячее сердце, сегодня разлетелось на части.

Началось все вообще стандартно, с самого простого и банального диалога, а окно задувало так, что, казалось, сейчас стекло выбьет.

— Мить, ты скоро домой приедешь?— я сжимала пальцами телефон и другой рукой гладила кухонные полотенца.

— Ань,— протянул с неким отвращением, словно я ему каждый день по тысяче раз звоню,— я занят. Давай потом.

— Я просто тебя хотела попросить купить молока, надо кашу Артемке с утра сварить.

— Закажи.

Трубка сброшена. Следующий звонок отклонен.

Я выдохнула, отмахнулась и выключила утюг из розетки.

Ладно, схожу сама.

Что ж поделаешь, занят человек.

Он у меня строительством занимается под отцовским началом. Постоянно у него встречи, объекты. Мы ведь так и познакомились, тоже на стройке.

Да так получилось, что не только школу возвели, но и нашу ячейку общества.

Я посмотрела в окно. Фонари горят. Задумалась.

Эти все доставки мне не по душе. Тем более, что нужно только молоко. Блинчики, может, сделаю. С клубничным вареньем, как Митя любит.

Оделась, посмотрела на часы, монитор которых, зеленым светом горел в коридоре.

— Мама приедет минут через тридцать, успею,— буркнула себе под нос и застегнула пуховик.

Они с Артемкой гостили у нее после детского сада, он часто туда просится.

Там кошка, а ему только за радость бедное животное за хвост потягать. Ну, а мне помощь.

Я хоть еще молодая, полна сил, но сейчас работу надо искать. Предложила, а я и не отказываюсь.

Спустилась и быстрым шагом направилась в магазин.

Руки окоченели мгновенно.

Есть у меня такая... Особенность. Мерзлячкой все зовут.

Забегала за молоком, вернулась, чуть не прокатилась на пятой точке прямо на пешеходном переходе.

Удержалась и дальше, семена ногами.

— Мама,— выкрикнул Артемка за моей спиной, когда я уже подошла к дому.

Я мгновенно обернулась и увидела, как он идет с бабушкой за ручку и поправляет надоевший ему шарф.

— Привет, мои хорошие, вы как?— я подошла к ним и первым делом поцеловала сына в холодную щеку,— пойдете домой скорее. Заходите, заходите.

— Мама, я сегодня динозава видел,— этот энтузиаст достал из кармана зеленого динозавра, не успей мы войти в лифт.

— Какой ты у меня молодец, понравилось? — я погладила его по шапке.

Он лишь довольно кивнул, а я приобняла свою помощницу.

— Спасибо, что забрала,— тихо шепнула и погладила ее по спине.

— Не за что, Анют, мы весело с Мусей поиграли.

Я невольно и неожиданно для себя очень громко засмеялась.

Представляю я эти игры.

За хвост, да за уши, только дай Муську потискать. Наверняка успел еще и динозавром по ней "походить". Ишь какая красота-то.

Мы прошли в дом, и я помогла Темке раздеться, он хоть уже и взрослый, как он говорит, самостоятельный, но липучка эта на ботинках сопротивляется нет-нет.

— Спасибо,— задорно улыбнулся сынок и побежал в свою спальню. Коллекцию игрушек пополнить надо, дело первой необходимости. Нет бы руки помыть. Ой.

Я проводила низкорослую седовласую женщину на кухню и пошла за ним.

— Тема, ужин, а потом все остальное. Давай поедим.

Дальше хороший вечер. Темка игрался сидя на диване, а я пила с мамой чай.

Только вот время на часах шло, а Мити все не было.

— Что он сегодня так поздно?— мама только масло в огонь подливала.

— Да, — протянула я на выдохе,— занят, наверное, на объекте, новый лицей возводят.

Признаваться, что он крайне холоден последние недели было стыдно. Мало ли, у всех кризис бывает, может, правда устал?

Надеюсь, очень. Чувствует мое сердце неладное что-то. Но я держусь и виду не подаю.

Смотрю только на нашего ребенка и понимаю, что чтобы там не было, мы ведь справимся. Должны... Мы ведь семья.

— Хорошо, пойду я доченька, пора мне уже, Муську одну оставлять на ночь не хочу,— мама сделала вид, что ей куда-то надо, видимо, чувствуя мое напряжение.

Я возражать не стала.

Пора, так пора.

Проводила ее, а после и пошла воевать со сном. Без папы Темка плохо засыпает, но «Сказка о царе Салтане» свое дело знает.

— Спи, сыночек мой,— я поправила его одеяло.

— А папа скоро придет?— все не унимался он.

— Скоро, малыш, придет и сразу же тебя поцелует.

— Правда?

Голос у него такой, что у меня все внутри сжимается.

— Честное слово.

Но врала ли я ребенку или говорила правду, пока что сложно сказать.
Уснул, ушла на кухню. Села у окна, потирая ладони друг о друга.
Ветер так и завывал. Чайник кипел. Замерзла. Хочу просто залечь в горячую ванную и согреться.
Но дверь входная открылась. Также тихо и закрылась.
Я обхватила себя руками в ожидании мужа.

Он показался в освещенном коридоре.
Только вид серьезный, плечи расправлены, рубашка чуть помята.
Он прошел прямо, остановился в дверном проеме.
Осмотрел меня с ног до головы и губу прикусил.
— Мить, что случилось? — мне аж не по себе стало от такого грубого взгляда.
— Сядь, Ань. Надо поговорить.
Дорогие читатели, рада приветствовать вас,
Обещаю, будет очень эмоционально. Моментами больно, моментами радостно, но равнодушными вы точно не останетесь.
Специу напомнить, что не забывают добавлять книгу в библиотеку, чтобы не потерять
Визуал для вас, наша Анна.
Хорошего дня!

Глава 2

Анна

— Сегодня я думал, что тебе изменяю,— говорит он, а у меня все внутри сжимается.

Я уже не сажусь на стул, я медленно на него падаю с треском.

У меня мгновенно представляется его образ в объятиях другой женщины. Мгновенно вижу, как он уходит от меня и собирает чемоданы, но сказать ничего не могу. Мне словно рот зашили самыми крепкими нитками.

Я смотрю на него и сквозь него одновременно.

Его карие глаза уже не светятся тем блеском, который я так подмечала вначале наших отношений. А голос...

Родной, но в то же время такой чужой.

— И?— единственное, что с языка слетает. Чертова буква. «И».

— Что, и? Гни,— он поднял чашку с моим чаем и сделал глоток,— жаль тут не виски. Пригодился бы.

— Мить,— я все еще наивно верила в то, что его позывы и мысли завести роман на стороне никогда не случатся.

Он ведь уже пару раз шутил: «Заведу себе любовницу, а ты будешь плакать?».

А я лишь отмахивалась и говорила, что такие шутки вообще не к месту.

Ошибалась.

Теперь просто эта фраза... По-другому звучала.

Без иронии. Без улыбки и даже без намека на юмор.

— Я уже ее раздел, Ань, но остановился. Понял, что хочу поговорить с тобой, прежде, чем сделаю это.

— Зачем?— я правда не понимала.

Может, я много чего не понимаю, но это особенно остро ощущается.

Он нахмурился. Сделал еще глоток чая.

А у меня сердце кровью обливается. Раздел другую женщину? Чтобы изменить мне?

Прямые плечи, его прикушенная губа и перстень, которым он стучал по столу в такт моему дыханию.

Задумался. Вижу.

Но над чем думать? Я ведь молодая, как он всегда говорил очень миловидная, красивой тоже называл. Я ведь никогда его не пилила, за сыном всегда ухаживаю.

— Зачем,— повторила я, чувствуя, как в горле горечь.

Я как будто не просто что-то горелое попробовала, а съела огромный кусок угля.

Он покачал головой из стороны в сторону. Допил мой чертов чай.

Пока я тут. Сажу. Жду его ответа.

Хотя бы какого-нибудь, адекватного.

— Ань, хватит делать вид, что всё нормально, — Митя слегка приподнял бровь, словно я была ребёнком, которого он устал учить, — Между нами всё давно плохо. И ты это знаешь.

Я молчала.

Это все? Между нами все плохо?

— А что плохо?

Я, видимо, мазохистка, но все еще сидела к прибитому стулу и хотела понять, зачем ему другая женщина.

— Потому что,— он сделал паузу, выдержал ответ,— потому что мы охладели. Наши чувства. С рождением Темы все стало слишком трудно. Если ты отличная мать, словно это твое, но я не готов к детям, Ань. Не был готов и когда ты забеременела, не смог тебе об этом сказать. Ты не подумай только....

А у меня горячая слеза по щеке уже текла.

— Я сына люблю и считаю, что он самый лучший мальчик на свете. Я не жалею, что ты родила, но тебя,— он протянул руку и положил ее на мою ладонь.

Его горячая кожа меня обожгла. Но это мелочи. Он меня сейчас своими словами просто в землю втаптывает. В сугроб закапывает. В самый большой.

— Я понял, что больше не люблю тебя, Ань. Ты ведь совсем домашняя, и подруг у тебя тут нет. Я понимаю, новый город, но ты тут уже пять лет живешь. Могла бы и найти кого, может, мамочку какую на курсах там по минуте или прочему. Разнообразие у нас нет. Мы застыли, понимаешь? В этой рутине пеленок, распашонок. Каша, игрушки и мультики. А секс, Ань? Скучный и тихий, чтобы Темку не разбудить. А мне Ань, двадцать девять. Я хочу еще погулять. Тебе вообще двадцать пять. Я понимаю, что ты хотела стать матерью, но ведь. Боже, — последние слова он произнес на выдохе.

Пощечина.

Но не физическая.

Моральная.

Я же так старалась для семьи и для него.

Хотела, чтобы у его были всегда глаженные вещи и чтобы он просто был счастлив и рад возвращаться домой.

Ко мне.

А теперь он хочет других женщин и говорит мне об этом прямо в лицо. Как только совесть хватило, духу....

— Так ты решил, что измена исправит ситуацию? — мой голос адово дрожал, но я старалась держаться.

Было трудно. Крайне трудно вообще не встать и не упасть в обморок.

— Я думаю, что нам лучше будет перейти на более дружеский формат. И хочу быть с тобой честным. Я тебя уважаю, как мать моего ребенка.

Дружба? Ушам своим не верю. Какая дружба, что он такое вообще говорит? Какая дружба у людей, которые под одной крышей живут и ребенка растят?

— Что? Дружба?

— Мы и так с тобой уже как компаньоны, ничего глобального не поменяется. Можно сказать, свободные отношения для меня. Ты-то я понимаю, на такое не согласишься. Но ты подумай, куда тебе сейчас уходить, когда Темка только в сад пошел?

Новая пощечина. Щелчок в голове.

— Какие отношения?— я все еще пыталась понять, под чем он, что такие вещи мне говорит без стыда.

— Я трахать буду других баб, Ань, а жить мы будем также, мирно и тихо, без вреда для сына и нашей,— он обвел взглядом кухню,— семьи.

Глава 3

Анна

— Трахать? — переспрашиваю я, пока он все еще сжимает мою ладонь.

Мне такое слово даже произнести стыдно, а он вообще все барьеры на нашем пути сносит.

— Другую бабу? — повторяю я, словно не слышала то, что он сказал.

А я и не слышала. У меня в ушах звон такой, будто рой пчел окутал меня полностью.

Мои мысли, мою голову и все они меня жалят.

Но не они. А он. Мой муж, мой дорогой, любимый. Я ему ребенка родила, выносила, была с ним в самые трудные времена. В самые тяжелые и он ведь тоже.

Это было все так взаимно. Не считая последних недель. Только последние недели?

Я ведь помню его горящий взгляд и улыбки во все тридцать два зуба, когда Темка родился. Он держал его на руках и плакал.

Я никогда не видела, чтобы мужчина плакал, а тут....

До сих вспоминаю те моменты, когда казалось, что мы вместе навсегда.

Почему он решил, что между нами все плохо, если это ложь?

Я заглянула в его глаза

Это сон? Это ужас? Что он вообще здесь делает, раз говорит такое вещи.

Хотя нет, сейчас он молчит.

Молчит и смотрит на меня нахмурившись.

— Почему ты остановился? — я хотела встать, но передумала.

В ногах не было сил.

Во мне не было сил.

Если он меня не любит, почему передумал?

Я не понимала. Искренне. До боли в ребрах, сердце и легких. Зачем он остановился и сейчас говорит мне об этом?

Зачем?

Зачем?

Зачем?

Если он меня не любит, почему просто нас с сыном не оставил. Не ушел к другой.

Зачем?

Почему?

Для чего?

— Ань, посуди сама, тебе некуда идти. В маленькую студию к маме, в которой нет условий для сына? Я вас туда не отпущу. Просто смиришься уже. Просто подумай о том, что ничего глобального не изменится.

— Ты говоришь какой-то бред, я тебе не верю, — сказала это и только потом подумала о том, что сорвалось с языка.

Знаете, как говорят психологии, что разбитое сердце в шестнадцать и к тридцати ощущается по-другому.

Чушь.

Ощущение будто мне вырвали ребра, будто сейчас прилетят вороны, чтобы склевать меня до маленьких хребтов, от меня ничего не останется.

Мужчина, которому я подарила свою жизнь, человек, который отец ребенка, ребенка, чье сердце было под моим.

Хочу лечь на кровать и зарыться с головой.

Не хочу никого видеть, слушать, говорить.

Не хочу ничего.

Я повернула на него голову.

Холодный, как и этот вечер.

— Ты скажешь еще что-нибудь или диалог закончен?

Хотелось сказать громко и ударить по столу кулаком, но вышел лишь мышинный шепот.

У меня так всегда. Я никогда не была бойкой или прорывной.

Просто плыла по течению и не факт, что зря.

Ну просто вот такая я. Не могу я кидаться в него вещами и кричать, что есть мочи.

У меня даже больше слез нет.

Ничего нет, кроме моего сына.

— Я лишь хочу лучшего, ты разве не понимаешь? Ты не видишь? Я пытаюсь Ань!

Я рассмеялась. Это был смех истерики, смех боли и печали.

— Все, что я хочу, чтобы мы были честны с друг другом.

— Честны? Честно было вот это сейчас?— я не выдержала.

Я собралась.

Я встала.

Встала и облокотилась рукой о край каменной столешницы.

— Окей,— добавила и пошла в сторону коридора.

Я хочу к сыну.

Шаг.

Два.

Четыре.

Восемь.

И вот его горячие руки касаются меня снова. Обхватывают меня за талию и прижимают к себе.

— Не надо, Дим,— я впервые за долгое время назвала его не Митей.

Он сейчас не мой Митя.

Он вообще больше не мой.

Нет больше нас, и семьи нашей тоже нет.

Он думает, что я буду принимать его женщин?

Я не знаю, как такое вообще может в голову прийти.

У нас ведь брак не по расчету.

— Ань,— тихий и в то же время громкий шёпот.

А у меня все тот же гул в ушах.

Он меня не любит? Сына нашего не хотел?

Как же больно верить-то. У меня не то, что ком в горле встал. Я застыла.

Заледенела.

Покрылась самой огромной толщей льда.

Он блуждал по моему животу и груди руками, жадно впаиваясь в каждую часть моего туловища, но я ничего не чувствовала. Ни желания, ни отвращения. Просто пустота непроглядная и на этом все.

Звериный рык и почти что стон. Он залез под мою футболку своими руками и сильно сдавил меж пальцев мой соскок.

А вот теперь отвращение.

Ненависть.

Боль.

— Отпусти меня, пожалуйста, я иду к твоему нежеланному сыну, чтобы его разбудить и уехать от тебя,— на автомате отвечаю я и резко он поворачивает меня на себя.

— Я же сказал, я тебя не отпущу. Ты моя жена, и я ты останешься рядом.

— Зачем, если ты уже раздел другую?

Глава 4

Анна

Его хватка была сильной, почти болезненной. Но я больше не чувствовала ничего, кроме отвращения. Это все было неважно.

Мой муж - подлец, предатель.

Даже мысли о таком и все его слова...

Мне не нужно заставлять его, как он там выразился? Трахающим другую бабу, чтобы понять, что мы теперь как чужие люди.

Я развернулась в его крепких объятиях, одернула его руку от моей груди.

Посмотрела прямо ему в глаза, пытаясь найти хоть крупину того человека, которого я когда-то любила.

Но там было только холодное упрямство и странная смесь жалости и власти.

Ему меня жаль? Не стоит.

— Зачем, Дима? — спросила я, уже не шепотом, а громко и чётко. — Зачем ты так со мной?

Он молчал, но слегка прикусил губу.

Это его раздражало.

Моё сопротивление.

Моя сила, которую он явно недооценил.

Я понимаю, что сковородкой я ему по роже не дам, но и вытирать об меня ноги настолько мерзко, я тоже не дам.

У меня тоже чувства есть, душа, мысли и все прочее, чем владеет настоящий живой человек.

— Потому что ты моя, — ответил он, сжав мои плечи ещё сильнее, — Ты не уйдёшь, Ань. Ты останешься. Ради сына. Ради семьи.

— Ради семьи? — я усмехнулась, хотя внутри всё кричало от боли, — Семьи? Ты разрушил её своими руками. Ты. Не я. Ты и она. БАБА, — я сделала акцент на оскорбительном слове «женщины» и тыкнула пальцем ему в грудь, — которую ТЫ, раздел.

— Хватит! — он взорвался, сделал шаг назад, — Ты ничего не понимаешь. Ты просто должна принять это. Мы продолжим жить так, как жили. Ты будешь матерью моего сына, а я... я буду делать то, что должен.

— Делать то, что должен? — я перехватила его взгляд, в котором не было и намёка на сожаление, — Это называется "жить"? С посторонними женщинами, с ложью, с презрением ко мне? Ты называешь это семьёй?

— Хватит, Аня, — он чуть тряхнул меня за плечи, — Ты не понимаешь, как этот мир устроен. Ты слишком слабая, чтобы всё бросить.

— Слабая? — я выдохнула, чувствуя, как меня захлёстывает новый прилив эмоций, — Это ты слабый, Дима. Ты даже признаться не можешь, что это не я тебе не нужна, а ты сам себе. Себе не нужен и пытаешься самоутвердиться, как вам это мужчинам полагает. Животными вашими инстинктами.

Я сбросила его руки с такой силой, что он чуть не пошатнулся.

Мои пальцы дрожали, ноги едва держали, но я знала — больше назад пути нет.

— Ты проиграл, Дима, — тихо сказала я, глядя ему прямо в глаза. — Ты потерял меня. Ты потерял нас. Я ухожу.

Его лицо потемнело, взгляд стал ледяным, но я больше не боялась.

Он меня и так уже уничтожил.

Я развернулась и пошла прямо по коридору.

Собрала сумку на автомате.

Не думала, не анализировала, что надо, а что не надо. Все беру, что на глаза попадается.

Просто делала то, что нужно, шаг за шагом. Футболки за трусами и носками за штанами.

Собирала и собирала сумку, стараясь делать это тихо. Надо сына не разбудить. Пусть еще поспит.

Время от времени оглядывалась на дверь балкона, за которой Дима теперь курил.

Его силуэт был едва виден сквозь плотную серую ткань штор.

Затхлый запах табака уже просачивался в комнату, и это заставляло меня морщиться.

Меня всё бесило в нём.

Всё.

Даже то, как он пахнет, когда возвращается с работы.

Эта смесь пота, табака и металла.

Когда-то я находила в этом что-то домашнее, даже родное. А теперь... теперь я чувствовала только отвращение.

Обернувшись в коридор, я заметила его оранжевую каску. Она валялась на полу рядом с его рабочей курткой, и это зрелище вдруг вызвало во мне вспышку воспоминаний.

Такая же каска.

Тот же яркий, почти кричащий оранжевый цвет.

Он ехал в ней за рулём своей старой "Нивы", окно было открыто, и он посигналил, когда увидел меня.

Я шла по обочине, торопясь домой, и машинально оглянулась.

Его лицо показалось мне смутно знакомым, но я не остановилась.

В голове промелькнула мысль: "Нерусский какой-то... Надо валить."

Я ускорила шаг, а он всё равно догнал меня.

"Эй, стой!" — крикнул он тогда, наклоняясь через открытое окно.

Голос у него был громкий, напористый, с той самой интонацией, которой он теперь говорит, что я ему всё должна.

Но тогда в этом голосе была ещё и улыбка. А сегодня холод...

Я улыбнулась ему в ответ — сначала смущённо, а потом искренне.

И даже когда он вышел из машины, чтобы подойти ко мне ближе, я уже не чувствовала страха. Он выглядел не так уж и грозно: обычный парень, в рабочей форме, с оранжевой каской на голове.

И как-то незаметно мы разговорились, а потом он уже провожал меня домой, не обращая внимания на мой неуклюжий отказ.

Я не знаю, что меня в нём зацепило тогда.

Может, его настойчивость, может, улыбка.

А может, просто я была молода и хотела влюбиться.

Всё казалось простым, настоящим.

Настолько настоящим, что я даже не думала, куда это приведёт.

И вот я здесь. Казалось бы дома, но в его квартире, которую ему отец подарил перед нашей свадьбой, чтобы я, не дай бог, не претендовала на Питерскую прописку.

Ишь какая, с деревни понаехала.

Ужас.

А Дима там, на балконе, сжимает в пальцах сигарету, выдыхая в ночную тьму дым, пропитанный нашим разбитым прошлым.

Я вынырнула из воспоминаний, покачала головой, будто хотела стряхнуть их, как воду с волос.

У меня нет времени на сентиментальность.

Сейчас это больше не важно.

Все эти детали — его каска, машина, та первая встреча — больше не имеют значения.
Надо двигаться дальше.

Тихо вошла в спальню к сыну, чувствуя, как с каждым шагом ноги становились всё тяжелее, будто кто-то связал их невидимыми цепями.

Темка спал, свернувшись калачиком, его маленькие ручки крепко обнимали зелёного плюшевого динозавра.

Приглянулся ему, ой... Такой у меня... Хороший.

Я застыла у дверей, боясь двигаться.

Свет зелёного ночника мягко озарял комнату, создавая спокойную, почти умиротворяющую атмосферу.

Но в моей душе было совсем беспокойно.

Я словно в урагане. Даже не так. Смерч на душе.

И в центре этой воронки была одна-единственная боль: моя первая и единственная любовь больше не моя...

Медленно, стараясь не издавать ни звука, я подошла к кровати.

Щёки Темки розовели, а губы были чуть приоткрыты, и я слышала, как он тихо сопит.

Такой маленький. Такой беззащитный. Как он может жить в мире, где всё так больно?

Я поставила сумку рядом с кроватью и опустилась на пол, облокотившись на её край.

Руки задрожали, когда я провела пальцами по уголку покрывала, которым он был укрыт.

— Прости меня, малыш, — прошептала я, голос дрожал. Слова звучали так тихо, что почти тонули в этой тишине. — Прости, что я не смогла... сохранить это. Папу твоего сохранить. Семью нашу.

Моё горло сдавило, как будто там застрял огромный ком.

Глаза жгло, а потом слёзы хлынули, словно прорвало дамбу.

Они катились по щекам, падали на моё платье, на пол.

Мамочки, больно-то как.

Я пыталась сдержать рыдания, чтобы не разбудить моего мальчика, но боль была сильнее.

Как он мог так поступить?

Как он мог сломать всё, что мы строили вместе?

Я помню, как он держал меня за руку в тот день, когда я сказала ему, что беременна.

Он смотрел на меня так, как будто я была центром его вселенной.

А в день рождения Темки он плакал, прижимая его к груди, шептал, что будет носить меня на руках всю жизнь.

Носит... Только не на руках, а на качелях своей больной предательской психики.

Всегда.... Ничего, мамочка не вечно. И это тоже.

Эти слова раздавались эхом в моей голове, но теперь они казались пустыми, обманчивыми.

Я поверила в них. Я поверила в него. А теперь?

Теперь я просто женщина, которая сидит на полу рядом с кроватью сына, боясь пошевелиться, чтобы не разбудить его.

Закрывает лицо руками.

Больно.

Страшно.

Плохо.

Всё это рухнуло. Разбилось на осколки, которые не собрать.

— Ради тебя, мой хороший, — снова прошептала я, глядя на Темку. — Ради тебя я выдержу. Я справлюсь.

Но внутри всё кричало...

Как? Как мне справиться, если всё, во что я верила, оказалось ложью?

Как мне справиться, если у меня своего ничего нет? Старый дом в Волгоградской области и маленькая съёмная студия на краю Питера, в которой мама живет с кошкой.

Дыши, Ань. Дыши.

Я смотрела на лицо сына — такое светлое, такое чистое.

Он был моим якорем. Моей последней точкой опоры в мире, который рушился у меня на глазах.

Я уткнулась лбом в край кровати, тихо рыдая, чувствуя, как боль захватывает каждую клеточку моего тела.

— Прости меня, что я тебе соврала. Прости, что папа не поцеловал тебя, — я провела рукой по его мягким волосам, — Это мама виновата, сынок. Это мама виновата.

Дорогие читатели, спешу напомнить, если история вас привлекла поддержите ее звездочкой

Инструкция ниже на фото:

Глава 5

Дорогие читатели, у нас сегодня две главы.

Приятного чтения.

Анна

Я не знаю, как уснула. Открыла глаза от того, что рука затекла. Она гудела, тянуло кожу и вибрация неприятная.

Огляделась по сторонам. Первое, что в глаза бросилось - сумка стоящая неподалеку и дверь в коридор открытая.

Обернулась налево, а тут Артема, сидит на кровати и «прыгает» динозавром по подушке.

— Мама ты уже проснулась? — он улыбнулся и пододвинулся ко мне, приобнял меня за шею и крепко прижался к моему плечу, — я сидел тихо, чтобы ты смотрела сон.

А у меня снова слезы на глаза наворачались от таких слов. Мальчик мой, маленький, все же ты понимаешь.

Ком снова подступал к горлу. Его маленькие руки обвивали мою шею, а тёплая щека прижималась к моей.

— Ты мой хороший, — я с трудом улыбнулась ему, подхватывая на руки.

Он хихикнул и обнял меня за шею, как делал это всегда.

— Пойдём умываться, а то проспали, — протянула я сонным голосом.

Я искренне стараясь говорить спокойно, будто ничего не случилось.

Дима наверняка уже уехал, а мы можем побыть вдвоем.

— А мы что, сегодня в садик не пойдём? — спросил он, когда мы уже были в ванной.

Сначала его умыть, потом себя. Надо подождать. Придумать, что ответить.

Вода была прохладной и немного привела меня в чувство. Это хорошо. Что бы я там не чувствовала, мне нужно оценивать обстановку.

У меня тут двуногая ответственность зубы чистит оранжевой щеткой.

Я посмотрела на часы: уже десять утра. Мы действительно проспали.

— Не знаю, Тем, — ответила я неопределённо, вытирая его лицо махровым полотенцем, — Посмотрим. Может, у нас сегодня выходной.

— Ура! — Темка подпрыгнул на месте. — Значит, можно к бабушке?

— Можно, — кивнула я, почувствовав, как усталость тяжёлым грузом навалилась на плечи. Ой...

Мы вместе пошли на кухню.

Сынок вприпрыжку бежал впереди меня, а я еле переставляла ноги.

Вся энергия ушла за одну ночь. Я настолько истощена, что даже не знаю, с чем мне это сравнить.

Даже когда лежала с температурой тридцать девять, были еще силы. А сейчас хоть о стену опирайся. Рука еще зудит, не отошла.

Я ведь просто хотела, чтобы этот день прошёл как можно скорее. Но, видимо, у него есть для меня подарки.

На столе лежала бумага. Обычный клочок бумаги, сложенный пополам.

Я сразу его заметила.

Подняла, развернула и прочитала кривые буквы:

"Меня не будет пару дней. Остынь."

Остынь? Остынь?!

Я так резко скомкала бумагу, что она превратилась в маленький плотный шарик в моей руке.

А потом, не задумываясь, развернула обратно и разорвала её на части. Кусочки упали на пол. Козел.

— Мам, а что там было? — встревожился сынок, заглядывая мне в руки.

— Ничего, — ответила я, глубоко вдохнув и выдохнув, чтобы голос звучал ровно, — Просто мусор. Давай, лучше блинчики пожарю. Хочешь?

Не зря же за молоком вчера все-таки бегала.

— Да! — завизжал он, присаживаясь за стол. — Блины! Значит, точно не в садик?

— Нет, не в садик, — улыбнулась я ему, натягивая на лицо привычную маску спокойствия, — Праздник у нас сегодня.

Или похороны. Нашего с папой брака...

Только тебе сынок, об этом знать не обязательно.

Артемка игриво хлопнул в ладоши и побежал к дивану, прыгнув в своё маленькое "гнездо" с подушками.

Я включила плиту и начала мешать тесто для блинов, пытаюсь не думать.

Просто не думать. Можно отключить эту функцию в голове?

— Мам, а давай потом поедим к бабуле? Можно? — Темка выглянул из-за дивана, держа своего зелёного динозавра в руке.

— Поедим, конечно, я же сказала уже, что да, сынок. Только ты мне поможешь собрать кое-какие вещи?

— Я помогу! Я всё-всё соберу! — крикнул он радостно и снова убежал играть.

Я стояла у плиты, переливая тесто на раскалённую сковородку.

Треск масла, запах первых блинчиков — всё это будто возвращало меня в реальность.

Я не знала, как будет дальше.

Но сейчас, пока Темка смеётся в соседней комнате и пахнет едой, я знаю одно: у меня есть мой сын. И ради него я справлюсь.

Потому что больше нет другого выбора. Ребенок не виноват в том, что взрослые не умеют решать свои проблемы ртом.

Чуть позже мы позавтракали и отправились в спальню к большому шкафу.

Темка с энтузиазмом ворвался в двери принялся тянуть маленький синий чемодан, который я недавно купила для поездок к бабушке.

— Мам, я уже собрал! — крикнул он с гордостью, хлопая по плстику ладошкой, — Тут все мои динозавры!

Я присела на корточки рядом с ним, чтобы расстегнуть молнию.

Он был набит до отказа: зелёные, коричневые и даже ярко-розовые пластмассовые игрушки свалены в одну кучу, головы и хвосты выглядывали из-под крышки.

— Темочка, солнышко, — я аккуратно провела рукой по его мягким волосам, — мы не можем взять их всех сразу. Чемодан не закроется.

— Почему? — он надув губы посмотрел на меня. — Это же мои любимые!

— Давай возьмём только самых-самых любимых. Остальные мы заберём потом, когда снова поедем к бабушке, хорошо? — Я старалась говорить мягко, но голос дрогнул.

Потом. Каким будет это «потом», я даже не представляла.

Темка нахмурился, оглядел свои пожитки, потом полки у кровати и, не дожидаясь ответа, полез за остальными.

Он перебирал их с такой серьёзностью, будто решал что-то по-настоящему важное.

Папа вот так женщин перебирает. Тоже решает, какую взять с собой в будущее.

— Этот... и этот, — бормотал он, ставя фигурки на край, — И вот этот, без него нельзя.

— Тем, одного хватит, — я улыбнулась сквозь комок в горле. — Возьми вот этого большого. Он же твой любимый, да?

— А остальные? — Он поднял на меня глаза, в которых уже начинали поблёскивать слёзы.

— Остальные подождут здесь. Им не страшно, — я погладила его по щеке, — Мы их заберём потом. Обещаю.

Пока он возвращал все обратно по своим местам, у меня на языке крутился вопрос. Господи, как мне сказать маме?

Мы ведь не можем просто появиться у неё на пороге с чемоданом и рассказать о том, что наш мир рухнул.

Садик совсем в другой стороне, мама живёт на окраине города в той самой маленькой студии.

«Тебе некуда идти,» — звучали в голове слова Димы.

Я стиснула зубы, чтобы не дать слезам выйти снова.

Некуда идти?

Я разберусь.

Для Темки я найду выход. Даже если придётся ютиться втроём на крошечной кухне, даже если придётся поменять весь наш привычный уклад.

Я справлюсь.

— Мам, я собрал, — голос Темки выдернул из мыслей.

— Молодец, мой хороший, — я притянула его к себе и обняла крепко-крепко.

— Мам, а бабушка обрадуется? — он заглянул мне в глаза, улыбаясь одними уголками губ.

От такого вопроса у меня кошки по душе скребут.

— Обрадуется, конечно, — ответила я, поглаживая его по спине, — Она всегда рада тебя видеть.

— А мы долго будем там?

— Посмотрим, — я не нашла ответа лучше.

Правда ведь, не знаю. Надо найти работу и хорошую, чтобы была возможность позволить себе жилье.

— Ты сегодня не улыбаешься, мама. Не грусти, пожалуйста.

— Больше не буду, сынок, — я провела рукой по своей футболке, которую уже сложила пару минут назад, — не буду.

Глава 6

Анна

Быстрым движением я застегнула молнию на чемодане.

Он скрипнул так громко, что я невольно оглянулась на Темку — не напугался ли.

Но нет, он сидел на полу, сосредоточенно застёгивая свою маленькую курточку, шёпотом напевая что-то невнятное, и лишь изредка поглядывал на меня.

— Мам, я сам! — заявил он, гордо справившись с замком и вставая на ноги, — Муська обрадуется, да?

— Конечно, обрадуется, — я с трудом выдавила улыбку и присела перед ним, поправляя капюшон, — Пушистая, наверное, уже заждалась тебя.

От мысли, что нам придется покинуть наш дом, где мы все эти года были счастливы, внутри все переворачивалось.

Господи, сколько же ещё я буду так чувствовать?

Вчера думала, что все, но нет. Как я только могла в это поверить?

— Мам, а папа снова на работе, да? — вдруг спросил сынок, отстранившись и глядя на меня своими светлыми глазами.

Вопрос застал меня врасплох, но я всё-таки кивнула.

— Да, малыш. Снова на работе.

Ну хоть на этот раз ребенку не врал, наверное.

— Я соскучился по папе, — голос его стал тише, будто он сам не хотел этого говорить, — После ссоры с бабушкой он совсем часто пропадает... А я хотел показать ему свои игрушки.

Я закрыла глаза, тяжело вздохнув, а потом притянула его к себе ещё крепче.

Хотелось собрать его маленькое тело в своих руках и защитить от всего — от этой боли, от предательства, от пустых обещаний, которые теперь тянутся за нами хвостом.

— Папа тебя любит, — тихо прошептала я, целуя его в макушку, — Очень-очень. Он просто... он очень занят сейчас.

— Я знаю, мама, — он немного фыркнул, но тут же добавил, — Я просто соскучился.

Моё сердце дрогнуло, и внутри что-то надломилось ещё сильнее.

Я едва удержалась от того, чтобы снова не заплакать.

Проклятые слёзы снова бы жгли глаза, но я стиснула зубы и выдавила ещё одну улыбку — ради него. Ради него. Я ведь обещала.

— Всё хорошо, малыш. Мы скоро с тобой всё наладим. Правда.

Ему не объяснить.

Как я могу рассказать своему ребёнку, что его папа нас предал? Что папа предпочёл чужую женщину, а не нашу семью? Не знаю.

Я отпустила его и, тяжело выдохнув, оглядела комнату. Пора ехать.

Чемодан стоял у двери, рюкзак — на плечах. Осталось только взять деньги...

Я подошла к шкафу и открыла дверцу.

Моя рука привычным жестом потянулась к верхней полке, где, как я знала, Дима хранил наличные.

Чаще всего мелкими пачками, как он сам говорил — "на всякий случай".

Вот он и наступил, этот «всякий случай».

Но на этот раз мои пальцы коснулись лишь небольшого бумажного конверта.

Я открыла его, пересчитала и поняла, что здесь всего двадцать тысяч.

Хватит, — подумала я, сжав купюры в руке, — На дорогу и на первое время. Пусть Дима питается похотью своих любовниц.

После того, как мой муж поссорился с отцом из-за меня, он его разжаловал в обычные рабочие и денег было не так много, как до этого.

Кое-какие запасы Дима хранил в банке, оперируя тем, что на контакт идти с отцом ради его денег не хочет. Я не спорила, мужчины пусть сами разбираются.

Свекр меня не любил. Мог даже в лицо сказать:

— Это твоя деревенская клуша.

А после выписки из роддома, я подслушала то, что добило окончательно.

— Эта твоя сельская девка тебе приплод принесла? Ну хотите плодитесь, мне только не звоните.

Мы и не звонили, да и Дима общался с ним мало, только по работе, когда еще должность руководителя занимал.

Внука он тоже видел только раз пять всего.

Но недавно они совсем разругались. Причину я не знаю. Муж отмахивался и говорил, что не важно, а я и не лезла, не мое ведь дело.

Я не транжира и денег нам на жизнь хватало, не те доходы, что раньше были, но мне много и не надо.

Захлопнула дверцу шкафа и сунула деньги в карман джинсов. Мы справимся.

— Ну что, Тем, готов? — спросила я, обернувшись к сыну. Он стоял у чемодана, притопывая ногами от нетерпения.

— Да! Мама, пошли скорее к Муське! — в его голосе не было ни тени грусти или сомнений.

Он был счастлив — просто потому, что впереди его ждала кошка и бабушка. Еще бы, я бы тоже была счастлива в то беззаботное время.

— Так, сначала выпьем чаю, а потом поедem, дорога долгая и холодно, пошли согреемся заранее, как раз бабушке позвоню, чтобы она нас ждала.

Темка только кивнул. Я же вздохнула и направилась на кухню, где на верхней полке лежал телефон.

Вчера я даже не заметила, что оставила его здесь — мысли были не о том.

Дотянулась, сняла его с полки и тут же замерла.

На экране высветилась куча пропущенных звонков. Номер неизвестный.

Пальцы задрожали, когда я нажала на экран, и тут же заметила непрочитанное сообщение в мессенджере. Открыла его, и у меня похолодело внутри.

На фото профиля — брюнетка.

Густые волосы, ярко покрашенные губы, вульгарное красное платье с глубоким вырезом.

Сообщение короткое, но будто удар в грудь.

— *Здравствуйте, Анна. Мне нужно поговорить с вами по поводу вашего мужа.*

Глава 7

Анна

Я сжала пальцами телефон сильнее, пока жгучая тошнота подкатывала к горлу.

Перечитала это сообщение с десятков раз.

Брюнетка, вульгарная, с яркими губами... Хочет что-то мне сказать о моем муже. М-да.

А что она мне скажет, если я и так знаю, что он хочет меня предать? Предать меня, нашу такую нежеланную им семью.

Она сообщит мне о том, какая была между ними жаркая, страстная ночь или что сегодня его, грубые от стройки руки, блуждали по ее телу?

А может, он заезжал к ней на обед, чтобы впиться в ее губы, а она жадно целовала его и причмокивала, пока он зарывался в ее волосы?

— Мам, можно, я пока чайник греется, мультики посмотрю? — Темка дернул меня за штанину.

Я только кивнула, потому что-либо ему ответить, было крайне трудно.

Он затопал ножками от удовлетворения и побежал в гостиную к телевизору, который научился сам включать ещё пару месяцев назад. Все каналы изучил, где, когда и какие мультики.

А у меня здесь свой мультик, от которого голова кружится.

Я проверила зарядку — десять процентов. Надо бы побольше, а пока будет заряжаться, позвоню ей.

Что так настойчиво она хочет мне сообщить? Даже интересно, только боль внутри выжигает меня, и я с трудом, еле сдерживаясь, иду искать провод.

— Лунтик, сегодня мы с Пчеленком... — слышалось из зала, пока я втыкала в розетку зарядный блок.

После встала, подошла к двери на кухню и прикрыла ее, чтобы, если что, мой сын не слышал повышенного голоса или всхлипов матери.

Пару секунд осознания... Боюсь звонить.

Правда, боюсь, потому что одно дело думать об этом, представлять самбй, а другое знать — это правда. Аня, это правда.

И вот мои пальца потянулись к кнопке вызова, я услышала тянущиеся, словно вечность, гудки.

— О, Анечка, здравствуйте, — протянула девушка по ту сторону.

Анечка... Как противно это прозвучало ее голосом. Низким, но молодым.

— Что вам от меня нужно? — я решила перейти сразу к делу и больше не тянуть кота за его причинное место.

— Анечка, ну что же вы так грубо, даже не спросите, как меня зовут? У меня ведь имя не указано...

Она хотела еще что-то там напеть мне в уши за свою вежливость и учтивость, но после таких сообщений это смотрится просто нелепо.

Я глубоко задышала и решила, что не стоит это слушать. Перебила ее:

— Что вам надо, говорите сразу и по делу, иначе до свидания.

— Какая вы жесткая, Анна, с новой мамой вашего сына нужно дружить, а не говорить, что "до свидания". Когда Темка будет жить со мной, я тоже не пущу вас на порог и скажу, что вам пора бы говорить до свидания.

У меня сердце в пятки рухнуло, да с такой силой, что я схватилась руками о стол и несколько раз быстро моргнула, чтобы прийти в себя.

Желудок сдавило с неимоверной силой, и казалось, что в ушах звенит.

— Что вы сказали?

— То, Анечка, внимательнее слушать надо, мы с вами еще увидимся, может быть, я даже приглашу вас на нашу с Митей свадьбу.

Она говорит Митя так нежно и протяжно, как я, когда-то, и меня аж выворачивает.

Я облокачиваюсь, почти падаю лицом на стол, еле-еле как удерживаясь, чтобы не свалиться в обморок.

Забрать у меня сына? Сына? Ладно мужа, он - предатель, но сына?

— С чего вы взяли, что мой сын будет жить с вами, если вы спите с моим мужем, это не значит, что...

Я пыталась говорить уверенно, но получалось плохо и теперь меня перебила она.

— О, милочка, нет, я еще не сплю с вашим мужем, но это пока, сами понимаете, до свадьбы нельзя, целомудрие -- дело такое, — она хихикает, и я буквально вижу, как по ее сучьему лицу просто расплывается злобная ухмылка, как у всех злодеек в самых банальных сказках про Золушку и Рапунцель.

Я делаю глубокий вдох, затем выдох и встаю крепко на ноги.

Ни за что.

Ни за что.

— Пошла нахер, не увидишь ты ничего! — да, да. Я выругалась на нее матом, потому что других слов найти просто не могла.

Моего мальчика забрать? Это просто невозможно. Это - мой сын, я выносила его под сердцем, я! Это - мой сынок, любимый и самый лучший на свете смышлённый мальчишка.

Какая-то сколопендра не смеет так и говорить! Не спит она с моим мужем, ну-ну, повела с первого раза.

— передайте привет Семену Петровичу, Анечка, он ведь так рад, что я скоро стану новой женой его сына.

И она сбросила.

Я заблокировала контакт и набрала номер Димы, только вот ответа не поступило.

Его отец снова стал решать за него его судьбу?

Знаете что? Я ведь не отдам им сына, если он так хочет, пусть рождает себе новых. А ЭТО МОЙ СЫН!

Его отец имеет на него все права, он может с ним видится, если захочет, ведь это ребенок, но его дедушка? Он к нему вообще никакого отношения не имеет. Он ведь даже его не видел почти. Не играл с ним и не дарил ему подарки. Какое право?

Я подошла к окну и открыла его на проветривание. Срочно нужно подышать и уезжать.

Бежать от этой гнилой семьи, которая скоро пополнится ещё одной ядовитой ведьмой. Мы ведь еще даже не развелись, даже заявление не подали.

Бежать, и неважно, что у меня вкармане только двадцать тысяч четыреста. Ничего, мы справимся, но будем вдвоём. Бабушка нам поможет, я найду работу. Я все сделаю ради сына.

Но слышать такие вещи... Нет. Нет.

Слезы накатили на глаза снова. Слезы и поток холодного ветра, который неистово задувал в приоткрытое окно.

И голос Димы, такой спокойный и нежный...

Он взял трубку на пятый раз.

— Да, Ань, ты уже остыла?

Глава 8

Анна

Я хотела прокричать в трубку, но только задержала дыхание.

Нет, мой любимый Митя, я не остывала, и если быть откровенной, завелась окончательно только что.

Сутки в полной прострации и незнания, что делать, обернулись огненной стеной гнева, на которую мне неведомыми силами, пришлось забраться.

Ах нет, какие это неведомые силы? Это его любовница, его невеста и будущая жена, пока я просто пустое место.

— Нет, скажи мне, когда ты собирался сказать, что снова женишься?— выдавила я с рыком, больше похожим, правда, на писк кошки, когда ее тянут за хвост.

Минута молчания. Правда молчания и правда минута. Он думает. Да так громко, что я слышу, как несколько раз он тяжело выдыхает.

— Я сейчас приеду, и мы поговорим, понимаю, что обещал тебе два дня, но ты должна все правильно понять.

Его голос был обычным, ни грубым, ни противным, ни вызывающим жалость. Он был никаким, обычным. Словно я только и делаю, что спрашиваю снова, купит ли он молока, когда будет домой возвращаться.

— Прости, нам не о чем, сына не получишь, я тебе его не отдам, это мой ребенок, наш, не ее...

— Не взрываись, Ань, никто Темку у тебя не заберет. Ты...

Мы перебивали друг друга так невежливо и так эмоционально, что я сама себя не узнавала.

Как только речь зашла о сыне, я стала какой-то злобной, как фурия. Ладно я, но не он. Ребенок не виноват в глупости своих родителей и дедов, fuzKNfxv Измена. Тест на предателя и каких-то... чужих тетъ.

— Твоя очень милая девушка так не считает. Я уезжаю и не ищи меня, при разводе суд решит, как часто ты сможешь видится с нашим сыном, если, конечно, ты что-то к нему чувствуешь.

Он что-то еще пытался сказать, но у меня запылало между ребер.

Я сбросила вызов, который так ждала и пошла одевать сына.

Мы уходим, мы не будем с папой, который нас предал.

— Выключай мультики, Тем, выключай.

А дальше быстрые сборы, я тащу чемодан по лестнице у входа, аккуратно перемещаясь медленной поступью, чтобы не упасть. Идем на остановку, и я держу сына за руку, пока он скользит на новых ботинках.

— Смотри, мама, как умею,— радостный до невозможности.

Просто не понимающий того, что произошло и сейчас я безмерно этому рада.

Садимся в трамвай, едем до нужной остановки. Пересаживаемся, и чемодан давит на мои хрупкие плечи сильнее.

Бежим, потому что уже опаздываем на следующий.

— Бегом, давай, давай аккуратнее.

Руки уже замерзли, нос красный, и когда садимся в следующий, щеки горят.

Но это ничего, ничего. Назад у нас пока пути точно нет.

Я смотрю в окно и вижу, как люди идут по своим делам и как они торопятся. Я же не тороплюсь, просто слушаю голос сына, рассматривающего собак, гуляющих по улицам, и держу в руках его портфель. Пальцы разжимаются тяжело, а на душе пусто.

Единственное чувство, которое испытываю – страх.

Странный, не как обычно это бывает – животный. А такой, другой. Мне страшно, что Дима будет нас преследовать, что не даст нам проходу, мне страшно, что я из-за того, что безумно его люблю, смогу сломиться и простить его за причиненные страдания этой ночью.

Я боюсь, что не смогу, и боюсь, что мой ребенок пострадает морально из-за нашей ругани и перепалок.

Кто ведь знал, что так будет? Да никто. Если бы была возможность посмотреть в будущее, ей бы пользовались все.

Хотя бы просто узнать, одним глазком посмотреть, что тебя ждет и твоих родных, это ведь так интересно.

Или нет.

Не знаю.

Знаю только то, что мы приехали.

— Пошли,— прошептала я и подвинула чемодан на выход.

Колесики постучали по полу, а шаги моих обессиленных ног, были слишком тихими.

Вышли на улицу, и я вдохнула полной грудью, осматриваясь на район, где бываю не так часто, чтобы запомнить каждую тропку.

Я позвонила маме и попросила нас встретить, она еще не знает подробностей, но думаю, все поймет, когда увидит меня, вещи и заплаканные красные глаза.

Прими меня, мамочка, только ты сейчас помочь можешь своей наивной девочке.

Прими меня и обогрей, как каждая любящая мать, свое чадо.

Я не знаю, виновата ли я мама, но меня предатели. Пожалуйста... Прижми меня в груди своей.

А пока думаю и тяжело дышу, мы с Темкой уже идем по сугробам через детскую площадку.

Я увидела маму, которая стояла у подъезда в своих розовых тапочках и с серой шалью на плечах.

Глаза уже на мокром месте и в груди ком такой, что не сглотнуть, не запить.

Я уже отсюда вижу в ее глазах понимание. Только вот когда она ступает на ступеньки, дверь за ней не закрывается.

Она лживо подгибает губы в улыбке и, кивая мне, поднимает Темку на руки.

— Привет, доченька,— она сделала паузу и опустила глаза,— Вы, это самое, поговорите и заходите пить чай.

— Что?— я не понимаю, что происходит. Но это всего пару секунд, пока Дима не выходит из подъезда и не идет обнимать сына.

Я хочу кинуться на него и расцарапать ему лицо, но вместо этого вижу, как наш сын к нему тянется.

Дима поднимает его, целует и к себе прижимает. Гладит его по шапке и застегивает, слегка поехавшую на горле, молнию куртки.

— Папа, пап, а я так по тебе соскучился, — кричит ему Темка и теребит детскими пальцами за отцовскую щетину.

Глава 9

Анна

— И я по тебе, сынок, и я по тебе, заходите пока с бабушкой, а то ты холодный весь, нам с мамой надо поговорить, по-взрослому.

Дима поставил сына на ноги, и мама завела Темку в подъезд. Что он ей там наплел? Уже небось навешал лапшы, да побольше. А она ему и поверила, любимый зять все-таки. Мда...

Я стояла все еще как вкопанная. После разговора с его новой женой или любовницей, кто она ему там я так и не поняла, вообще в себя не могу прийти.

И видеть его тоже тяжело, особенно когда он так нагло лжет нашему сыну о его вселенской отцовской любви.

Карие глаза мужа стали как стеклянные, он смотрел на меня, сжимая челюсти крепче.

— Пойдем сядем в машину, замерзнешь здесь,— он ухватил меня за плечо, но я одернулась.

— Не надо, я не хочу с тобой говорить.

— Надо,— теперь он меня практически подтолкнул.

Схватил меня за край куртки и повел в сторону машины, выхватив чемодан.

— Немного тебе для жизни без меня надо,— противная легкая усмешка, и у меня вспыхивает все от злости.

— Это лишь малая часть,— я не выдержала, а он так уж и быть, открыл мне дверь в нашу красную ласточку.

Ему-то шибко много надо, каска и номер отца, который, видимо, уговорил его развестись с его женой-деревенщиной.

— Поздно ты обо мне Дим, беспокоиться начал,— я сняла перчатки и сложила их на коленках, пока он заводил машину, чтобы прогреть.

Окна запотели, а он все молчал. Мое терпение было как песок в часах, утекало и утекало, крупица за крупицей.

Я развернулась на него, серьезный, спина прямая и руки сжимают руль зачем-то.

— Никто не собирается забирать у тебя сына, и зря ты ушла, если ты не хочешь меня видеть, я понимаю. Я готов пока съехать, пока ты не остынешь и не поймешь, что это самое выгодное для тебя решение.

Каждое слово как нож в мою плоть. Врезается, прокручивается и разрывает.

Но я молчала. Терпела связанные мамой перчатки и дальше – молчала.

Горячий воздух дул в лицо, сильно, пришлось опустить эти штуки, которые за его регулировку отвечают.

Хватит мне жара на сегодня.

Не знаю, что ему ответить, благодарить его за милость такую? Да еще бы. Больно мне, но я не хочу сломаться, не хочу пасть на этот лед как самая хрупкая хрустальная ваза.

— Я буду о вас заботиться дома, все будет как прежде, мне грустно видеть тебя такой, — начал он, а мне смеяться захотелось.

Грустно видеть меня какой? Тревожной и испуганной? Ревущей и кричащей от боли, что разрывает мое сердце? Может, не нравится, как я выгляжу с вязаными перчатками, растрепанными волосами и в пуховике? С чемоданом в руках? Какой не нравится?

— Тебе не обязательно обо мне заботиться, нашему сыну исполнилось три, и никаких алиментов ты мне не должен.

— Я хочу, Ань, ты моя жена, и будешь моей женой. Мне дали повышение на работе и теперь денег будет чуть больше, все нормально, все наладится, только не устраивай сцен, мы живые люди.

Да, Дима, как вовремя ты вспомнил о том, что мы живые. Надо же, твоя жена не камень, в который можно бросить то, что раздел другую женщину.

— Повышение значит? Ясно,— я прикусила губу, которую обветрило на сильном ветре.

— Ань, ну, посмотри ты меня,— он прикоснулся к моему плечу.

Я обернулась.

Тот самый человек. Тот же самый, с которым я последние года делила одну постель.

— Я мужчина и у меня есть потребности, ты же меня не застаёшь в постели с другой, я с тобой говорю, как говорят взрослые люди, это нормально. По статистике, каждый второй, а то и первый изменяет. А я не хочу, чтобы ты считала это изменой. Я буду твоим, буду отцом для нашего сына.

— Зачем мне звонит твоя любовница?

Я решила бить в лоб. Сказки о статистиках мало меня интересуют. Как там говорят? А что ты хочешь как все? Все в девятого этажа прыгнут и ты тоже?

Так вот, он бы прыгнул, да даже и с пятнадцатого. Как все же, природа, мужчины имеют потребности. А мы? А женщины, которые не получают заботы и ласки в должной мере, в какой должны были. В той самой мере, которые обещают им мужья, когда надевают кольцо на наши пальцы.

Где их забота? Где? У рака на горе, ждет, пока он свистнет, чтобы пойти помочь жене убрать со стола и помыть единственную в раковине кружку за собой. Они там же, где надо помочь отнести тяжелые пакеты женщине, или там же, где просят посидеть с ребенком, потому что просто хочется хоть чуть-чутьочку поспать.

Где их забота, о которой они кричат? Где их защита, говоря о которой, они бьют себя кулаками в грудь.

На дворе двадцать первый век.

Статистика, Дима? Статистика?

По статистике каждый второй брак превращается в развод. Вот твоя статистика, там же, где и куча брошенных отцами детей, там же, где толпы преданных женщин.

Там вот.

Там.

— Зачем мне звонила твоя любовница?— я решила повторить вопрос, потому что он молчал и прикусывал губу.

Отзеркалил мои действия полностью, только вот я, не сжимала пальцами этот проклятый черный руль.

Поправил вонючку в форме елки и облизнулся.

— Это девушка, на которой мой отец хочет, чтобы я женился, но я ему отказал. Я ее не люблю.

— Ты и меня не любишь, — решила добить я.

Правда, ведь? Правда. Он сам так сказал, когда пришел домой и сел напротив меня за белым кухонным столом. Он сам так сказал, и если быть на все сто процентов откровенной, я ему поверила.

— Я тебя уважаю, — короткое и холодное.

Звучит как ложь. Но... Я не знаю, что верить и чувствовать.

— Но не любишь,— прошипела я еле-еле. Ком подкатывал к горлу и лишал возможности говорить.

— Не люблю, но ты никуда не уйдешь. И все твои спектакли с собранными чемоданами закончатся только тем, что ты, Аня, поджав хвост, вернешься домой и будешь варить мне кофе по утрам, не задавая вопросов, где я провел эту ночь.

Глава 10

Анна

Я посмотрела на него только пару секунд и поняла, что сейчас в груди у меня к нему возродилась ненависть. Лютая и неудержимая.

Я хочу отхлестать его своими варежками по лицу или чтобы он утоп вон в том дальнем сугробе.

Мудак.

Просто мутила последний.

Варить ему кофе? Кофе? Может еще пожарить яичницу или набирать ему ванную с белой пушистой пеной?

Что же невестка, которая так уверенно утверждала, что скоро он на ней женится, так делать не хочет? Не складывается у меня в голове. Раз он отказался, как получил повышение?

Не клеится, дорогой муж, не клеится пазл. Где-то ты да врешь. Врешь, мужчина, который якобы за честность и откровенность. Откровенны только твои мысли о новых женщинах.

— У тебя время до конца недели. Возвращайся домой, как успокоишься, поговорим, — он постучал пальцами по рулю и махнул мне в сторону двери.

Просто так провожаешь? Время даешь? Щедрости больше я и придумать не могла. Неужели я ее достойна, Дим?

— Я уже спокойна, и свое время ты можешь оставить часам. Ну либо зажечь свечку, пока спишь со своей новой пассивей. Знаешь, кто так делал? Путаны, — не могла не ухмыльнуться, — Выгодно тебе будет снова жениться, так рой себе яму глубже, МИТЯ, до точки невозврата, — немедленно я открыла дверь и схватила руками чемодан, который стоял рядом.

Выпроводил, выкинул как вещь ненужную. Просто удобную, но видимо, если бы я была трусами, я бы уже была с растянутой резинкой. А если бы была ботинками, то теми, у которых отклеилась подошва.

Я бы заплакала, да не хочу.

Просто не хочу.

Хлопнула дверью и с гордо поднятой головой пошла вперед, стуча колесиками по посыпанной солью ледяной дорожке.

Он уехал. В это же момент, даже не раздумывая над тем, чтобы меня вернуть.

Четыре дня? До конца недели?

Ну ладно. Посмотрим, что будет дальше.

Имя я его выделила, чтобы он вспомнил, как я называла его до, но это его совсем не тронуло.

Что ж. Бог ему судья.

Поднялась по лестнице и нажала кнопку лифта, расстегивая молнию на куртке. Топят тут, ужас, как душно.

Дверь в квартиру мамы, была уже открыта. Я ступила на порог, пока она сидела с Темкой на сером, слегка потрепанном кошкой диване.

— Мяс, — подошла ко мне Муська, и я провела холодной рукой по ее мягкой шерсти.

В квартире воцарилась тишина.

Я посмотрела в сторону единственных родных мне людей и натянула лживую улыбку.

Хотелось выдохнуть так сильно, чтобы избавиться от всего того, что легло на мои плечи за один вечер, но... Но.

Не хочу сыну показывать, как все плохо. Он хоть и маленький, но неглупый.

Я сняла куртку и подошла к чайнику. Уже горячий.

Пока сын играл на диване в дальнем углу, мама подошла ко мне и приобняла меня за плечи со спины.

— Все ругаются, Анют, все ругаются. Мы с отцом тоже ссорились.

— Мы не поругались, мама,— прошептала я, едва слышно и обернулась на нее, — У него теперь другая женщина.

Она опешила и сделала шаг назад. Я видела ее опущенные веки, которые от возраста уже так всегда и лежат на глазу. Видела ее лицо, абсолютно поменявшее выражение в один момент. Плечи рухнули в одночасье, и руки опустились.

Она прикусила губу, а после приоткрыла рот.

А я чуть не пролила себе на куру кипяток.

Обернулась к кружке и поправив ее, добавила кипятка.

— Потом поговорим, надо будет Темку уложить спать.

Она лишь кивнула, и ее потерянный взгляд направился на своего внука.

Я видела, как она шокирована, и уже представляю, что напел ей ее дорогой и любимый зятек. Не виню ее, откуда она знала, раз говорит просто о банальной бытовой ссоре.

Лучше бы мы правда разругались в пух и прах. Пусть бы он лучше обозвал меня дурочкой, или как отец его – деревенщиной.

Пусть лучше бы пришел пьяный и храпел полночи, упал бы с кровати или, как он один раз делал – загадил весь угол со своей стороны.

Пусть он бы привел друзей, и они бы разбили мою кружку.

Пусть бы, пусть.

Но вышло как вышло и это моя жизнь. Судьба, видимо, так распорядилась. Это должно быть мне уроком, что нельзя доверять никому. Особенно мужчинам, которые как там говорят? Тебе нечета.

— Все нормально, мам,— я подбадривающее похлопала ее по плечу, и чтобы погреться отпила горячего зеленого чая.

Она кивнула. Направилась к креслу.

Оно раскладывалось, поэтому спать нам втроем, было где. Либо я, либо Темка, но лучше я.

Пусть спит на мягком диване с бабушкой, а ее я туда не пущу. Для ее спины вредно на твердом спать.

Тем более, если ночью меня накроют с головой плохие мысли, я не хочу плакать ему в затылок.

Завтра же буду обзванивать компании и искать работу.

Тех денег, которые я, если так можно выразиться, выкрала в качестве компенсации, должно хватить на первое время, но добираться до садика скоро будет очень долго и дорого.

Подыскать бы другой, да зима уже, Новый год через пару недель.

Расстелив себе «кровать», закуток, с которого у меня свисали ноги, накрылась одеялом с головой и принялась откликаться на все объявления о работе, которые только могла найти.

Я ведь преподаватель. Что-то да будет. Но вот только на свою прошлую работу не вернусь, там под надзирательством новой барышни свекра, которая там теперь директор школы, вообще нехорошо быть.

Найду что-то новое. Желательно бы в самые кратчайшие сроки.

Глава 11

Анна

— Мы вам перезвоним,— фраза, которую я слышала последние несколько дней.

Что ж. Не моя воля.

Этот ответ, да еще и с таким выражением лица, как и всегда означает сразу – нет. Уж лучше бы сразу в лицо говорили, а не так, под маской тактичности.

Опыта мало, ребенок маленький. И еще тысяча причин, чтобы отказать.

Как крутиться в этом колесе, где всем нужны только самые крутые сотрудники с опытом сорок лет, молодые и со взрослыми детьми уже в тридцать лет? Не знаю. Обидно даже, я ведь не виновата.

— Хорошо, спасибо,— сказала я девушке в белой рубашке и направилась дальше.

Она кивнула, показывая взглядом на дверь, но я не прощалась. Просто прикрыла и выдохнула.

Ой, Аня...

Следующее собеседование было последним.

Вообще последним, на которое я только смогла записаться. Два дня обзванивала вообще все, но под конец года не так то много вакансий, лучше всего искать летом. Но увы, сейчас не лето.

Куда идти дальше не знаю, но пойду значит не по профессии. Сейчас, наверное, любая работа хороша.

Сына кормить мне нужно, а подачки от мужа... Не знаю будут ли вообще, но принимать бы не хотелось, только вот пока работы нет, надо будет на что-то жить.

Засунь Анечка, гордость свою в одно место уже.

Как только в твоей жизни наступят самые светлые времена, ты позабудешь об этом, чтобы тебя потом ненароком никто не попрекал. Забудешь, как страшный сон.

Как только вышла из холла в Лицее, направилась напрямиком к автобусной остановке.

В дороге есть время подумать.

Но только я уже взорвала себе голову.

С мамой мы поговорили. Ну как, поревели, сидя на диване, обнимаясь как в старые добрые.

— Доченька, мне так жаль,— она пыталась поддержать и я была благодарна ей, только легче от этого не становится.

— Знаю, мам, знаю, что мне делать?

— Слушай свое сердце.

А мое сердце молчит. С того самого вечера – молчит.

Дима звонил мне каждый день по девять раз, но к маме в квартиру больше не приезжал. Не знаю почему, дал ведь четыре дня, он что так занят? Видимо.

Только писал сообщения, что срок вышел и мне надо бы вернуться домой, а я ему просто не отвечала.

Номер надо было заблокировать, только вот любопытство берет вверх. Что он еще выдаст? Он будет меня возвращать? Насколько это будет ярко или может вообще не будет.

Честно?

Непривычно без него, грустно и плохо, но и вытирать ноги об саму себя не хочется.

С ним может быть еще хуже, еще больнее. Кто знает, какие слова он еще припас, чтобы меня оскорбить.

Вчера он написал:

— Сколько ты еще протянешь, питаюсь только своей злобой? Будь уже мудрой женщиной.

Мудрой... Слово то какое, незнакомое.

Мудрость она с годами приходит, Дим, с опытом. И ты и есть, к сожалению, мой опыт.

И остановка моя.

Пока телефон снова вибрировал от его звонка прошла дальше. Школа недалеко от маминго дома.

Самый идеальный вариант, который только был. Уютная, с хорошим ремонтом, детей не так много, ну мне это не важно. Я буду учить всех. Это моя профессия.

И вот снова, меня встречают, проводят в кабинет директора, я рассказываю о себе, женщина смотрит на меня внимательно, стучит ножом для бумаги по столу и после что-то записывает.

Тишина в комнате давила на виски, а сердце с каждой секундой стучало всё быстрее.

Ну давайте, ну скажите уже ответ.

— Хорошо, — наконец сказала она, отложив ручку в сторону.

— Мы вас рассмотрим. Окончательное решение примем до конца недели.

Рассмотрим. Опять это слово, будто игла в сердце.

Я улыбнулась и выдавила привычное:

— Спасибо большое, я буду ждать вашего ответа.

Женщина лишь кивнула, давая понять, что разговор закончен.

Я вышла из кабинета, аккуратно закрыв за собой дверь.

В коридоре я позволила себе выдохнуть, но облегчения это не принесло. До конца недели...

Подождём.

Я шагала по школьному двору к остановке, крепче сжимая ремешок сумки.

Снег кружился перед глазами, медленно оседая на землю.

Улица была почти пустой — только старенький автобус уезжал вдаль, оставляя за собой след выхлопных газов.

Я посмотрела на телефон. Пусто.

Никаких звонков или сообщений. Даже Дима ничего не писал. Удивительно.

Хоть бы директор передумала прямо сейчас... но нет.

Тишина.

"Я справлюсь," — повторяла я про себя, как мантру. — "Справлюсь, даже если будет тяжело."

Однако телефон вдруг завибрировал в кармане.

Я резко вытащила его, а сердце чуть не выпрыгнуло из груди.

Дима. Это ведь он. Вспомнишь солнце, вот и лучик.

Наверное, хочет сказать очередную гадость, очередное "будь мудрой женщиной" или "вернись, куда тебе ещё идти?"

Может снова предложит варить ему кофе и стирать его грязные трусы.

Палец дрогнул на зелёной кнопке. Я уже была готова сорваться и прокричать в трубку, что он прав.

Что мне будет тяжело. Правда нелегко смотреть в лицо сына и ютиться в студии, где мама привыкла жить одна. Где я не привыкла находится.

Что мне одной не справиться так просто. Но на экране высветилось совсем другое имя: Семён Петрович.

Свёкор.

Я застыла.

Сердце пропустило удар.

Семён Петрович? Зачем он вдруг решил позвонить?

Мы не разговаривали с ним лично очень и очень давно, даже не помню, когда в последний раз.

Наконец, глубоко вдохнув, я нажала на кнопку.

— Алло?

— Анна, — голос был низким и уверенным. Точно таким, каким я его помнила, — Это Семён Петрович.

— Здравствуйте, — тихо ответила я.

Я итак видела, что это он. Номер то записан.

— Нам нужно встретиться, — ошарашил он меня хладнокровным голосом, — Завтра. Приезжай ко мне домой в три часа.

— Зачем? — вырвалось у меня прежде, чем я успела подумать.

— Поговорить, — коротко и уверенно, как всегда. — Это важно. Приезжай. Жду в назначенное время. Адрес пришлю, если ты вдруг забыла.

— А... Дима там будет? — спросила я, прежде чем успела себя остановить и подумать. Наступила пауза.

Она длилась всего пару секунд, но в этой тишине мне показалось, что прошло вечность. Кто меня за язык тянул? Ляпнуть такое надо уметь.

— Нет, — наконец ответил он, спокойно и даже немного сухо. — Димы не будет. Это касается только нас с тобой.

Только нас? Но зачем?

— Ладно, — сказала я, не узнавая собственного голоса.

— Жду тебя завтра. Не опаздывай, — добавил он и повесил трубку.

Я стояла на месте, словно прикованная к земле.

Телефон ещё горел в руке, а мысли путались в голове. Завтра. В три часа.

Семён Петрович не из тех людей, кто звонит просто так. Тем более мне. Значит, это что-то важное. Если по словам моего мужа ему не удалось надавить на него, значит теперь он будет угрожать мне? Или что? Предложит денег, чтобы я дала развод?

Это очень и очень вероятно. Такая как я невестка ему вообще ни к чему. Думаю он очень рад, что его сын решил предать семью.

Я не могла не думать, что, возможно, там меня будет ждать и Дима.

Может, он решил использовать отца, чтобы заставить меня вернуться? Но если бы Дима хотел увидеть меня, он бы уже приехал. Я бы его выгнала. Он бы всё равно приехал.

Но нет. Семён Петрович — человек старой закалки. Он бы не стал играть в чужие игры. Он устроит свою.

Завтра. И снова завтра. Постоянно чего-то ждать.

Я подняла воротник куртки, пряча лицо от холодного ветра, и пошла дальше.

Снег продолжал падать, а сердце билось как сумасшедшее.

Что же ему нужно?

Узнаем завтра.

Завтра.

Завтра я должна буду что-то услышать от человека, который всегда был немногословен и жесток в своих выводах. Это пугало.

Свернув за угол, я машинально замедлила шаг. Кафе «Вишня» — небольшое и уютное место на пути к маминому дому.

Мы с Димой когда-то заходили сюда на чай с пирожными, ещё до рождения Темки, когда всё казалось простым.

Смешно, правда? Даже воздух здесь всегда казался мне сладковатым от выпечки.

На секунду я замерла и снова поймала себя на мысли, что чувствую пустоту.

Хоть бы она исчезла вместе с Димой, но нет — висит внутри тяжёлым камнем.

И вдруг я заметила знакомые силуэты через широкое окно кафе.

За дальним столиком сидели двое: Наташа и её муж Кирилл.

Я их сразу узнала — друзей семьи сложно не узнать, особенно когда с ними так много связано.

Наташа. Она ведь звонила мне пару дней назад.

А я не взяла трубку. Стыдно даже сказать, почему.

Я просто не знала, что ей сказать. Как объяснить всё это, не срываясь в истерику?

Мы с ней никогда не были лучшими подругами, но всё же общались.

Чаще вчетвером — я и Дима, она и Кирилл. Семейные праздники, выезды на природу.

Наедине между нами всегда оставалась вежливая дистанция.

Сейчас? — мелькнуло в голове. Что-то меня туда тянет. Что-то подсказывает, что мне нужно там быть.

Я могла бы пройти мимо, сделать вид, что не заметила их. Но Наташа была одной из немногих, кто всё же пытался мне дозвониться.

Наверное, это дорогого стоит.

И я не могу притворяться невидимкой вечно.

Пусть и тяжело, но времени, чтобы поздороваться и объясниться, у меня было.

Решившись, я толкнула дверь кафе, и колокольчик над входом звякнул, сообщая о новом посетителе.

Тепло обволокло меня сразу, а воздух был пропитан запахом кофе и ванили. Классно тут.

Я провела рукой по волосам, отряхивая снег, и уверенно направилась к их столику.

Они заметили меня не сразу. Кирилл был чем-то увлечён на телефоне, а Наташа, сидя напротив,ковыряла вилкой кусок пирога.

Но стоило мне подойти ближе, как она резко подняла голову и удивлённо распахнула глаза.

— Аня? — она была крайне удивлена.

Она положила вилку на тарелку и тут же подтолкнула Кирилла локтем.

Тот оторвался от экрана и тоже повернулся ко мне, кивая. А потом он показательно нахмурился.

— Привет, — выдавила я, чувствуя, как неловкость нарастает с каждой секундой. — Я... проходила мимо и увидела вас. Решила зайти поздороваться.

— Привет... — протянула Наташа, всё ещё не скрывая своего удивления. Она оглядела меня, будто убеждаясь, что это действительно я. — А я тебе звонила... Несколько раз. Ты не отвечала. Всё хорошо? Что ты, здесь делаешь?

Я нервно улыбнулась и развела руками:

— Прости. Я... У меня был такой бардак в жизни в последнее время. Не знала, что сказать. Поэтому и не перезванивала.

Она встала и подошла ко мне, слегка приобняла.

— Пойдем, поговорим по-девичьи, — она подхватила меня под локоть и уже повела в обратную сторону, как я услышала голос Димы.

— Братан, заказывай что-то покрепче, — отозвалось из-за спины.

Что-то грубое, но одновременно родное. Сердце екнуло. Разорвалось на осколки.

А когда обернулась увидела его, шагающим в обнимку с девушкой.

С той самой, которая звонила мне.

Я помню ее фото на аватарке.

Это она.

И он.

Вместе.

Она что-то шептала ему на ухо, а после когда он замер, увидев меня, поцеловала его, оставляя красный след от помады на его щеке.

Глава 12

Анна

Увидев Диму, я почувствовала, как всё внутри застыло.

Секунда тишины, как будто мир вокруг остановился.

Я даже не осознавала, что Наташа продолжает что-то говорить, тянет меня за руку, пытаюсь отвести подальше.

Он здесь.

И не просто он, а с ней.

Девушка в обтягивающем платье, с вульгарной яркой помадой, которая теперь оставила отпечаток на его щеке.

Они были так близко, так непринуждённо шли вместе, будто это его привычная жизнь.

Привычная, но уже без меня.

Его взгляд встретился с моим.

В этой доле секунды, полной напряжения, он остановился, будто оценивая, что будет дальше.

Его лицо слегка изменилось, брови нахмурились.

Я смотрела на него, сжав губы, чтобы не сорваться прямо сейчас. Не здесь. Наверное, стоит сдержаться... Наверно

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.